

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2020-12-4-65>

УДК 821.161.1

СИБИРЬ КАК АНТИУТОПИЯ В ДИЛОГИИ А.В. РУБАНОВА «ХЛОРОФИЛИЯ» И «ЖИВАЯ ЗЕМЛЯ»

Т.А. Богумил (Барнаул, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. В центре внимания статьи находится проблема взаимодействия пространства (Сибири) и культуры (утопическая традиция), что составляет круг интересов исследователей сибирского текста, шире – любого локального текста, а также представителей геокультурного и геопозитического подходов.

Цель настоящего исследования – обозначить произведения, в которых (анти)утопия географически локализована в Сибири, за исключением уже достаточно изученной беловодческой темы; охарактеризовать функции сибирского локуса в художественном мире дилогии А.В. Рубанова «Хлорофилия» и «Живая земля».

Результаты исследования. В результате намечена линия преемственности утопической традиции: от Ф.В. Булгарина через А.К. Гастева к романам А.В. Рубанова.

Выводы. Выявлено, что в дилогии А. Рубанова пространство Сибири последовательно меняет свои функции: существует в оппозиции к Москве, центру и синекдохе России; является колонией и условием существования московской утопии; местом ссылки и постапокалиптической «дикости» как основы потенциального возрождения; собственно утопическим городом, альтернативной столицей.

Ключевые слова: утопия, Беловодье, сибирский текст, московский текст, петербургский текст, Ф.В. Булгарин, А.К. Гастев.

Постановка проблемы. В задачи настоящей статьи не входит характеристика антиутопических черт дилогии А.В. Рубанова – они очевидны. Данные романы привлекли наше внимание в русле интереса к сибирскому тексту русской литературы. Тем самым акцент исследования смещен с жанровых аспектов на пространственную организацию произведений. Поскольку здесь мы имеем дело с географически локализованной антиутопией, есть смысл задуматься о том, какие особенности Сибири повлияли на отбор именно этого региона для размещения в нем (анти)утопического мира. Иначе говоря, о том, когда и как пространство семиотически осваивается культурой. Таким образом, в основе методологии настоящего исследования лежит традиция изучения локальных свертхтекстов¹, начатая в трудах Ю.М. Лотмана, В.Н. Топорова и других представителей тартуско-московской школы, а также геокультурный² и геопозитический подходы [Абашев, 2012].

¹ Под свертхтекстом понимается «сложная система интегрированных текстов, имеющих общую внетекстовую ориентацию (здесь – Сибирь. – Т.Б.), образующих незамкнутое единство, отмеченное смысловой и языковой цельностью» [Меднис, 2003].

² Обзор исследований в русле геокультурного подхода см. в [Эртнер, 2011].

Наличие утопической, «позитивной» семантики сибирского текста было отчетливо обозначено К.В. Анисимовым, который проиллюстрировал свой тезис примерами из мемуаров и эпистолярия декабристов, пьес Д.И. Фонвизина и А.М. Горького [Анисимов, 2007]. Утопические мотивы оказались связаны с сибирским пространством в процессе идеологического обоснования завоевания Сибири Московским царством – в летописях XVII в. [Чмыхало, 2001], в трудах историков, публицистов, мыслителей XVIII–XIX вв. [Анисимов, 2007, с. 61–64]. В старообрядческой среде существование «далекой земли», противопоставленной центру – Москве, провоцировало рождение социально-утопических чаяний, в частности веры в существование Беловодья, «земного рая», на востоке империи [Чистов, 2003, с. 279–330]. Поиск Беловодья, стимулировавший миграционные процессы с конца XVIII в., становится литературным сюжетом в конце XIX в. [Чистов, 2003, с. 327, прим. 99] и продолжает быть востребованным вплоть до настоящего времени. Особенно активно данная утопия места осваивалась в литературе первой трети XX в. [Папкина, 2011; Литературная мифология..., 2019, с. 107–113; Богумил, 2020] и во второй половине XX в. в творчестве традиционалистов, где преобладает эсхатологическая идея гибели обретенного было идеала [Ковтун, 2015; 2017, с. 84–95, 263–280, 539–569]. В последнее время Беловодье стало достоянием массовой и сетевой литературы, медиапроектов (сериал «Беловодье. Тайна затерянной страны», реж. Е. Бедарев, 2019), туристическим брендом. В романе алтайского писателя В.Н. Токмакова «Запретная книга Белого Бурхана» (Барнаул, 2017) представлена постмодернистская версия заповедной страны. «Бурханостан» – лишь симулякр утопии [Богумил, 2018, с. 96–98].

Впрочем, Беловодье не единственный, хотя и самый плодотворный вариант утопического мира, дислоцированного где-то в Сибири. В литературе были прецеденты создания иных «тутопий»³.

Цель настоящего исследования двоякая. Во-первых, обозначить (анти)утопические произведения, связанные с сибирским пространством, но лежащие вне беловодческой темы. Во-вторых, охарактеризовать функции сибирского локуса в художественном мире дилогии А.В. Рубанова.

Результаты исследования. Один из первых русских утопистов Ф.В. Булгарин создал научно-фантастическую повесть-ухронию «Правдоподобные небылицы, или Странствование по свету в XXIX веке» (1824)⁴, в которой рассказчик после 1000 лет беспомощности очнулся в университете на самом северном мысу Чукотки. Интересна первая реакция героя на информацию, где именно он находится:

«← Как этот город называется? – спросил я.

– Надежин, – отвечал слуга.

³ Термин А. Эткинды, подчеркивающий специфическую для русской постреволюционной утопии локализацию в реальной, а не условной стране [Эткинды, 2001, с. 414].

⁴ В.П. Шестаков относит этот текст к «легкому чтиву» и не удостоивает анализа [Шестаков, 1995, с. 47]. Напротив, Б.Ф. Егоров положительно оценивает повесть как пионерский опыт научно-фантастической утопии [Егоров, 2007, с. 141]. Н.В. Ковтун также трактует развлекательный характер повести скорее как достоинство, превращающее социальную утопию в роман [Ковтун, 2009, с. 58–60]. О роли фантастических произведений Ф.В. Булгарина в становлении массовой словесности см. [Климентьева, 2019].

– В какой стране он лежит?

– В Сибири, на Шелагском Носу.

При сих словах я громко рассмеялся.

– Как в Сибири! – воскликнул я» (с. 318)⁵.

«Смех ума» [Карасев, 1996, с. 17–23] рождается из вопиющего несовпадения былого и нового образа Сибири: «Кто бы подумал, что Шелагский Нос, только что описанный в наше время и состоявший из ледяных и снежных глыб, будет населен? Что суровый климат северной Сибири превратится в роскошную полуденную страну, в Эльдorado...» (с. 320). Нервический смех персонажа, подозревающего себя в безумии, одновременно выступает маркером окончательного перехода в утопию⁶, желанное мироустройство (см. «говорящее» название города – Надежин, т.е. «надежда, будущая опора»). Климатические изменения планетарного масштаба (потепление в Арктике, похолодание в Африке), экологические проблемы (тотальное истребление лесов, осушение болот, исчезновение живности, населявшей эти природные зоны), рост численности населения – все это трансформировало привычную наблюдателю реальность. Прошлые XIX в. и настоящее XXIX в. соотносятся посредством «перевертыша», частотного для жанра утопии приема [Чернец, 1982, с. 125–127]. Язык, нравы, продукты питания, материальные и духовные ценности, строительный материал, транспорт, науки, социальное устройство, даже физиология человека претерпели улучшение. Благодаря техническим изобретениям достигается проницаемость пространства. Абсолютно все ранее пустынные районы в Азии, Африке, Америке и пр. теперь густо населены. Человек свободно передвигается по суше и воздуху, по воде и под водой; оптические и аудиальные приборы скрадывают расстояние, дают возможность подробно рассмотреть и услышать дальнее и сокровенное; освоена Луна («Я посмотрел в телескоп на Луну и увидел на ней города, крепости, горы, леса – точно в таком виде, как представляются окрестности Страсбурга с башни Минстера» (с. 343)). Более того, частично преодолены границы между жизнью и смертью. Некий *radix vitalis* (жизненный корень), способен оживлять «утопленников, задохшихся и всех несчастных, у которых жизненные силы остановились от прекращения дыхания, без расстройств органов» (с. 319).

Окраины Сибири и Север контрастируют с южными территориям Земли: «...теперь мороз водворился в Индиях и в Африке, а полярные страны сделались самыми роскошными и плодородными» (с. 320). Однако определяющей пространственной оппозицией в произведении Ф.В. Булгарина является противопоставление былых границ Российской империи ее центру: «...я упал в море <...> поблизости Петербурга, а сего дня нахожусь в Сибири, на Шелагском Носу, в великолепном городе!» (с. 319). Рукопись закономерно обрывается в момент приезда героя в Петербург. Описание Петербурга XXIX в. отсутствует, хотя продол-

⁵ Здесь и далее ссылки на текст Ф.В. Булгарина приводятся по изданию (Булгарин, 1997). В круглых скобках указана страница.

⁶ Ср. с аналогичной медиативной функцией смеха в следующих работах: [Аверинцев, 1992; Бахтин, 1990; Лихачев, Панченко, 1984].

жение повести анонсировано «издателем» рукописи. Тем самым возвращение в локус столицы сопровождается переходом в реальное историческое время, выводит из мира утопии.

Понятно, что Сибирь и Русский Север оказались территорией, подходящей для размещения утопии в силу периферийного положения по отношению к максимально освоенному русскими центру страны (Москва / Петербург). Неведомое, труднодостижимое, «чужое» всегда надделено мощным семантическим потенциалом.

Сибирь вновь стала пространством утопии незадолго до и после революции 1917 г., о чем свидетельствует всплеск интереса к беловодческому сюжету, здесь не рассматриваемому. В рассказе А.К. Гастева «Экспресс. Сибирская фантазия» (1916) представлен утопический мир, локализованный за Уралом. Каждый сибирский город – мировой центр определенного вида деятельности: Курган – «город масла, хлеба, мяса»⁷, «кухня мира»; Ново-Николаевск – «Сталь-город»; Красноярск – «мозг Сибири» и «верфь мира»; Иркутск – деловой и финансовый центр; Бодайбо – «золотая столица»; Якутск – бумажный центр; Охотск – аквакультурный центр; Гижигинск – место «буржуазной неги», туристический центр; Камчатка – «кочегарка мира». Как водится в утопии, все города отличается планомерность и упорядоченность, они залиты светом, технически совершенны. Самым необычным является не существующий на реальной карте город Беринга, который, подобно фантазиям Ф.В. Булгарина, построен на морском дне. В лучших традициях жанра в нем воздвигнуты «хрустальные дворцы из морского янтаря»; человек смело преобразует природу: «...согнать снега с полюса, изменить направление теплых течений в океанах и смягчить весь полярный климат»; Сибирь ожидает «революция земледелия и садоводства». Экспресс («локомотив истории») стремительно преодолевает пространство и время, «поет» не о тяжелом прошлом, но о «грядущих радостных подъемах».

Как видим, огромные пространства Сибири (10 млн км²), ограниченность региона (с севера и востока – моря, с запада и юга – горы и плоскогорья), его неисчислимы ресурсы и непростые природно-климатические условия воплощали семантический потенциал для создания утопии. В дальнейшей советской литературе о Сибири мы не находим столь беспримесного примера жанра, но утопический пафос преобразования человеком пространства Сибири и человека пространством Сибири, несомненно, пронизывает соцреалистическую культуру.

В освоении утопической тематики советскими писателями наблюдается две тенденции: если в раннесоветской литературе преобладала утопия, отнесенная к будущему («прекрасное далеко»), то в творчестве традиционалистов утопия локализована в прошлом («светлое прошлое») [Парте, 2004]. Русский постмодернизм, создававшийся на отталкивании от соцреалистического канона, сохранил тем не менее временную приуроченность утопии и утопического к будущему (см., например, роман В.О. Пелевина «S.N.U.F.F.» (2011), романы В.Г. Сорокина «Голубое сало» (1999), «Лед» (2002), «Теллурия» (2013)). Согласно наблю-

⁷ Здесь и далее цитаты даны по электронному ресурсу без указания страниц (Гастев, 1916).

дениям Я. Войводич, Сибирь в художественном мире Сорокина – «место великого изобретения, появления нового вещества» [Войводич, 2015, с. 242]. Роль Сибири как источника нового – опыта, знаний – одна из констант сибирского текста, в т.ч. утопической его составляющей.

Как было отмечено выше, главный структурно-семиотический параметр сибирского текста – «ситуация отдаленности» от культурного центра [Анисимов, 2005, с. 23]. На обыгрывании данной оппозиции построена антиутопическая диалогия А.В. Рубанова «Хлорофилия» (2009) и «Живая земля» (2010). Не вдаваясь в описание антиутопического (первый роман) и постапокалиптического (второй роман) мира Москвы⁸, обратим внимание на сибирский локус, который претерпевает определенные метаморфозы. Согласно официальной историографии, в далеком прошлом Восточная Сибирь была «диким полем» (с. 40)⁹, где «русский человек не сподобился вырастить картофельный клубень» (с. 40). В начале романа безбедное существование всех россиян, сконцентрированных в Москве, обеспечено тем, что Сибирь отдана в аренду Китаю. Трудолюбивые китайцы создали в Сибири подобие Эдема: «цветущие сады, заводы и фабрики» (с. 40), «выращивают хлеба в десять раз больше, чем выращивали русские в самые лучшие годы на самых лучших черноземах» (с. 70). Но однажды выясняется, что беспечное и счастливое процветание россиян оплачено слишком дорогой ценой: «...леса сведены под корень, почва истощена, реки загрязнены, животный мир уничтожен» (с. 284–285), «...природные ресурсы Восточной Сибири истощены на четыре пятых. Точка, после которой естественное возобновление невозможно, давно пройдена...» (с. 173). Тем самым доведена до предела изначальная, восходящая к XVII в. историко-идеологическая роль Сибири как колонии [Bassin, 1991; Анисимов, 2005, с. 291–295] – формально «своей», но фактически «чужой» территории, чьи ресурсы опосредованно, руками китайцев, выкачиваются метрополией. Крах потребительской утопии связан с исчерпанием природных богатств, экологической катастрофой.

Такой финал политического союза России и Китая был предсказуем. Недаром идея отдать гигантские обезлюдившие территории в аренду китайцам была принята далеко не всеми. Протестующие организовали сибирское партизанское движение¹⁰. В официальной версии, транслируемой школьными учителями, партизаны – «непримиримые идеалисты» (с. 42). Диссидентствующие студенты намекают на альтернативную трактовку антикитайской оппозиции как организованной спецслужбами провокации. Цель ее – напугать граждан и сформировать общественное мнение в пользу всеобщей оцифровки. Так или иначе, Сибирь выступает как локус (мнимо)противопоставленный центру и государственной политической стратегии.

⁸ См.: [Комовская, 2017; Завьялова, 2018; 2020].

⁹ Здесь и далее цитаты из романа «Хлорофилия» приводятся по изданию (Рубанов, 2011). В круглых скобках указаны страницы.

¹⁰ Романная партизанщина, по-видимому, коррелирует с реальной революцией и Гражданской войной в России, в т.ч. в Сибири, в начале XX в.

Идеология сибирского сопротивления изложена в запрещенной цензурой книге «Терра нострум»¹¹, т.е. «Наша земля». В учении «бесноватого Агафангела» (с. 42) обозначена национальная ментальность и миссия русских – быть бескорыстным владельцем, хозяином и работодателем, но не пользователем, рабом или работником. Русская земля «заповедна навеки» (с. 42); «[д]икие сибирские территории должны пребывать в собственности русских и оставаться дикими, в том же самом виде, в каком обнаружил их покоритель Сибири Ермак Тимофеевич» (с. 42–43). Умозрительное, абстрактное обоснование неприкосновенности Сибири дополняет глубоко личная мотивировка сопротивления. Командир партизан говорит китайскому парламентарю, предложившему сдаться: «Я тут хозяин, а ты гость. Для меня тут все мое, а для тебя – чужое. Если я сдамся, меня моя земля не поймет. По моей земле могу ходить только я. Потому что в эту землю я своего отца зарыл. А настанет время – и меня сюда же заруют. <...> ...у русских ничего нет. Ни ума, ни культуры. Была когда-то нефть, и газ, и уголь, и камешки, и металлы цветные, но давно уже все распродано, а деньги по ветру пущены. Была культура великая, но ушла через телевизор, как через унитаз. <...> Все, что у нас осталось, – это земля, которую за сто лет не обойти. И вся наша надежда – землю сберечь и внукам передать, с той мыслью, что внуки будут умней дедов и найдут своей земле достойное применение...» (с. 302–303). Не случайно даже после прекращения партизанского движения среди россиян сохраняются инакомыслящие – эскаписты, или «бегуны» (с. 199)¹². По неподтвержденной версии, некоторые из них, подобно своим историческим прототипам, уходят в Сибирь.

Впустив чужой народ в Сибирь, русские потеряли себя. Баснословное богатство Москвы-России обеспечено, так сказать, продажей «первородства»: «народбогоносец» (с. 99) устал от своей миссии, пресытился «бесконечными войнами, кризисами и прочими глобальными потрясениями» (с. 98) и продался за «похлебку». «Мы конченная нация» (с. 70), «пустили по рукам великую державу, сдали родину внаем» (с. 274), – горько говорят персонажи задолго до того, как идеальный московский мир рухнул, и после краха. Интересны попытки «интеллигентно» (с. 273) самооправдаться, прозвучавшие в документальном фильме «Назад, через Амур»: «Беда русского человека в том, что он все время мучительно пытается быть достойным своей страны. Как бы ни был велик каждый из нас в отдельности – он абсолютно ничтожен в сравнении с территорией. Несопоставимость масштаба части и целого – наша национальная драма. Сибирский эксперимент был возможен только в России, ибо каждый русский в душе неисправимый мегаломан и любит только то, что необъятно...» (с. 273–274). Конечно, подобные рассуждения возможны только благодаря наличию Сибири в границах России, ведь именно Сибирь составляет львиную долю страны. Тем самым, следуя логике автора фильма, можно сказать, что источник национальных и индивидуальных комплексов – Сибирь. Это велеречивое рассуждение оценивается слуша-

¹¹ Правильно: «терра ностра».

¹² Название позаимствовано из номинации одного из беспоповских направлений старообрядчества.

телем как псевдофилософия, демагогия, спрятанное за красивыми словами снятие ответственности за свои решения и поступки.

В финале романа «Хлорофилия» намечен новый виток истории, альтернативный тому, где возникла утопия, закончившаяся биоантропологической эсхатологией. Гигантские пространства между Москвой и Сибирью оказались не вполне обезлюдевшими. Их населяют дикари, потомки тех, кто в свое время не перебрался в столицу. Когда поселенцы из Москвы захотели выменять земли племени на ножи, топоры, берданку, повидло и женщину, те отказались: «землю на повидло не меняю» (с. 301), – гордо ответил старый вождь. Молодой вождь солидарен с отцом: «Землю не дам. Она моя. По ей хожу только я. И еще – Белый Лось. А тебе – никак нельзя» (с. 307); «Земля – моя <...>. Все, что на ей, – мое. Все, что в ей, – тоже мое. Ходи по ей, свое делай – а помни, по чьей земле ходишь. А забудешь – придет Белый Лось и топтать тебя будет. Пока совсем не затопчет» (с. 339). Как видим, эта речь в более примитивной форме повторяет слова командира сибирских партизан, некогда сказанные китайцам. В результате потенциальных захватчиков убили, остальные москвичи были изгнаны. На руинах развивается новая, постиндустриальная цивилизация. Дикари отчетливо делят мир на «свой» и «чужой», что позволяет им сохранить самоидентичность. Высокоразвитые и толерантные европейцы утратили подобную оптику до полной потери самости: Европа превратилась «в огромный обветшавший музей, где под сенью великих монументов бродили толпы выходцев из Африки, вымогая у растерянных правительств пособия и субсидии» (с. 98). У россиян-москвичей последствия оказались еще более радикальными, привели к потере человеческой сущности – превращению в растения.

Сибирь после катастрофы – исхода китайцев – возвращает свою историческую роль: становится зоной ссыльных поселений для потребителей и распространителей мякоти травы. Территории дикарей находятся до Урала, но функционально соотнесены с новой Сибирью: «Какая ей разница, где валяться? Здесь, в лесу, с дикарями или в Сибири с уголовниками? <...> Если я ей скажу, что этот лес и есть Сибирь, а бородатые мужики – осужденные травоеды, она так и будет думать» (с. 304). Посредством соотнесения с дикарями, сибирские поселенцы становятся участниками потенциального возрождения рухнувшего мира. Во втором романе качество «дикости» экстраполируется на постапокалиптическую Москву, следовательно, именно в ней обитают люди, отстаивающие базовые человеческие ценности: свою землю, женщину, семью.

Когда китайцы уходили за Амур, то, испугавшись военной угрозы Москвы, оставили всю инфраструктуру – дороги, дома, электростанции. Программа освоения Сибири был проверкой сил перед осуществлением гораздо более грандиозного проекта, многократно осмысленного в утопической литературе, – переселения на Луну. То, что в Сибири возможно репетировать лунные условия, устанавливает отношения эквивалентности между пространствами и задает утопический регистр восприятия земного локуса. Вопреки экологическому апокалип-

сису, заявленному в конце первого романа, Сибирь осталось «живой»: «...глазам открылась изумрудная даль под неярким солнцем, пологий распадок меж двух сопков, бесконечные волны шевелящихся ветвей. <...> Странно, ведь считается, что всю Сибирскую тайгу свели под корень китайцы, еще до искоренения, а она, оказывается, вот – жива, цела, безбрежна. Или не всю ее свели? Или никому не под силу свести ее всю?»¹³. Подобно регенерации природы, восстановима оказалась и подлинная человечность, и попытки людей быть счастливыми здесь и сейчас, создать «земной рай». На горизонте герой видит Купол – «[о]броненный богом и вдавленный в планету шарик для пинг-понга диаметром сто километров».

Игра в пинг-понг предполагает перелет мяча, попеременную смену половины стола / поля. Оппозиция «столица – окраина», как это некогда случилось с Москвой и Петербургом, оказалась обратима. В Сибири находится Новая Москва, которая покрыта огромным прозрачным куполом из разработанного китайцами нанополимера, что поддерживает идеальный микроклимат. Это классическое (анти)утопическое общество с тотальной слежкой, культом «прозрачности» и манипуляцией психикой людей через чипирование. В романе сохраняется принцип контраста, противопоставления центра и периферии, Азии и Европы: «Здесь Сибирь, Азия; там Европа. Здесь Новая Москва, там – старая. <...> Здесь – сухо, чисто, светло и пахнет сладкими духами, там – грязно, потемки и вши по спинам бегают. А страна – одна и та же». Диаметральна идеология жителей Старой и Новой Москвы. Основа мировоззрения первых, по контрасту с прежним лозунгом «ты никому ничего не должен» (с. 8), – бережливость. Идеология вторых продолжает былые заблуждения: «...мы – сибиряки, хозяева ресурсов, мы пребываем в центре мира. <...> ...мы – избранные и нам весь мир должен. Вы там, у себя в Европе, контролируете отходы и расходы, – а мы контролируем все. Редкоземельные металлы. Воду. Древесину. Пушнину».

В контексте романа «Живая земля» сибирский текст оказывается тесно переплетенным с московским текстом и его базовой мифологемой – религиозно-политической концепцией «Москва – третий Рим» [Лотман, Успенский, 1982], а также с петербургским текстом русской культуры. Подобно Петербургу, который претендовал на роль наследника великой империи, Сибирь позиционирует себя Новой Москвой. И точно так же, как и в случае с Петербургом, святость и законность имперских притязаний следующей столицы подвергаются сомнению, ибо «четвертому Риму не бывать» (Филофей), новая столица – мнимая и призрачная [Лотман, Успенский, 1982, с. 248]. Об этом рассуждает «дикарь» Денис: «Мы живем в Москве, она – вечная. Москва – Третий Рим, а четвертому не быть. Так нас учат. А тут – временная новая столица. Когда-нибудь страна опять расцветет, от Белого моря до Черного. И обе столицы воссоединятся. Нас учат, что Новая Москва – место, где работает администрация. <...> ...мы живем дома, а вы – в офисе». Герой ставится перед выбором, где жить. Он совер-

¹³ Здесь и далее цитаты из романа «Живая земля» приводятся по электронному ресурсу без указания страниц (Рубанов, 2012).

шает его, ориентируясь не на официальную пропаганду («нас учат»), а на внутреннее ощущение подлинности своего мира: «Собственно, он не очень знал, что такое правильная жизнь. И тем более не знал, чем она пахнет. Но догадывался, что пахнет она просто. Дровами, штопаными телогрейками, женой, снегом, чаем». Из утопии герой возвращается в реальную жизнь, «к менее “совершенному” и более свободному обществу» (Бердяев, 1991, с. 474)¹⁴.

Вывод. Итак, локализация (анти)утопического мира именно в пространстве Сибири вызвана рядом историко-географических факторов. Весомую роль здесь сыграли естественные особенности региона (отграниченность, масштаб, природно-климатические условия, природные ресурсы) и исторически сложившаяся оппозиция «столица – периферия». На этом фоне особенно ярок контраст современного автору состояния Сибири с будущим ее преображением. Утопические образы Сибири, представленные в произведениях Ф.В. Булгарина и А.К. Гастева, как видится, не особенно повлияли на дальнейшую традицию сибирской (анти)утопии. Системные совпадения носят скорее жанровый, типологический, нежели генетический характер. Оригинальный, хотя и вписанный в сибирский текст русской культуры, образ Сибири представлен в диалогии А.В. Рубанова. Локус Сибири последовательно меняет свои функции: существует в оппозиции к Москве, центру и эквиваленту России; является колонией и условием существования московской утопии; местом ссылки и постапокалиптической «дикости» как основы потенциального возрождения; собственно утопическим городом, альтернативной столицей.

Список источников

1. Бердяев Н. Новое средневековье: Размышление о судьбе России и Европы. М., 1991. 81 с.
2. Булгарин Ф.В. Правдоподобные небылицы, или Странствование по свету в ХХІХ веке // Косморама: фантастические повести первой половины ХІХ века / сост., послесл., примеч. и подбор ил. Ю.М. Медведева. М., 1997. С. 315–358.
3. Гастев А.К. (Дозоров) Экспресс. Сибирская фантазия // Сибирские записки. 1916. № 1. С. 3–12 [Электронный ресурс]. URL: http://archivsf.narod.ru/1882/alexey_gastev/story_01.htm
4. Рубанов А. Живая земля. М., 2012. 348 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://book-online.com.ua/read.php?book=7578>
5. Рубанов А. Хлорофилия. М., 2011. 345 с.

Библиографический список

1. Абашев В.В. Русская литература Урала. Проблемы геоэтики. Пермь, 2012. 140 с.
2. Аверинцев С.С. Бахтин, смех, христианская культура // М.М. Бахтин как философ. М., 1992. С. 7–19.
3. Анисимов К.В. Парадигматика и синтагматика «Сибирского текста» русской литературы // Сибирский текст в русской культуре / под ред. А.П. Казаркина, Н.В. Серебренникова. Томск, 2007. Вып. 2. С. 60–76.

¹⁴ Перспективным представляется рассмотрение диалогии как вариации двух типологических вариантов романа-антиутопии: «антиэпопейного» и «антидиллического» [Козьмина, 2005]. Гипотетически роман «Хлорофилия» тяготеет к первому варианту, а «Живая земля» – ко второму.

4. Анисимов К.В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX веков: особенности становления и развития региональной литературной традиции. Томск, 2005. 304 с.
5. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990. 541 с.
6. Богумил Т.А. Алтай в биографии и творчестве В.Я. Шишкова («Алые сугробы») // Имагология и компаративистика. 2020. № 13. С. 128–140. DOI: 10.17223/24099554/13/8
7. Богумил Т.А. Беловодье: легенда, мифологема, бренд // Культура и текст. 2018. № 3 (34). С. 89–102.
8. Войводич Я. Миф и неомифологическое сознание. Образ Сибири как пространства будущего в текстах В. Сорокина и В. Пелевина // Сибирская идентичность в зеркале литературного текста. Тропы, топосы, жанровые формы XIX–XXI веков. М., 2015. С. 233–246.
9. Егоров Б.Ф. Российские утопии: Исторический путеводитель. СПб., 2007. 414 с.
10. Завьялова А.П. Особенности хронотопа в романе А. Рубанова «Хлорофилия» // Актуальные проблемы филологии. 2018. № 16. С. 44–54.
11. Завьялова А.П. Художественные особенности постапокалиптического мирообраза в дилогии А. Рубанова «Хлорофилия» и «Живая земля» // Материалы VIII Международной конференции молодых ученых. Екатеринбург, 2020. С. 210–216.
12. Карасев Л.В. Философия смеха. М., 1996. 221 с.
13. Климентьева М.Ф. Явление интериоризации в сюжетах фантастических повестей Ф.В. Булгарина 1820–1840 годов // Сюжетология и сюжетография. 2019. № 2. С. 5–13. DOI: 10.25205/2410-7883-2019-2-5-13
14. Ковтун Н.В. «Беловодский метатекст» в современной русской прозе (к постановке проблемы) // Сибирская идентичность в зеркале литературного текста: тропы, топосы, жанровые формы XIX–XX веков. М., 2015. С. 153–189.
15. Ковтун Н.В. «Деревенская проза» в зеркале утопии. Новосибирск, 2009. 494 с.
16. Ковтун Н.В. Русская традиционалистская проза XX–XXI веков: генезис, мифопоэтика, контексты. М., 2017. 600 с.
17. Козьмина Е.Ю. Поэтика романа-антиутопии (на материале русской литературы XX века): дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 222 с.
18. Комовская Е.В. От гомо сапиенса до гомо советикуса к гомо флорусу (На основе романов идей А.А. Зиновьева и А.А. Рубанова) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 6 (72): в 3 ч. Ч. 1. С. 22–24.
19. Литературная мифология Алтая / Е.А. Худенко, А.И. Куляпин, Т.А. Богумил, Н.И. Завгородняя. Барнаул, 2019. 178 с.
20. Лихачев Д.С., Панченко А.М. «Смеховой мир» Древней Руси. М., 1984. 295 с.
21. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Отзвуки концепции «Москва Третий Рим» в идеологии Петра Первого (К проблеме средневековой традиции в культуре барокко) // Художественный язык средневековья / отв. ред. В.А. Карпушин. М., 1982. С. 236–249.
22. Меднис Н.Е. Сверхтексты в русской литературе [Электронный ресурс]. Новосибирск, 2003. URL: <http://rassvet.websib.ru/text.htm?no=35&id=5>
23. Папкина Е.А. «Беловодье» Михаила Плотникова: русская литература 1-й трети XX века в поисках крестьянского рая // Сибирские огни. 2011. № 3. С. 133–140.
24. Парте К. Русская деревенская проза: Светлое прошлое. Томск, 2004.
25. Чернец Л.В. Литературные жанры (проблемы типологии и поэтики). М., 1982. 192 с.
26. Чистов К.В. Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб., 2003. 539 с.
27. Чмыхало Б.А. Художественное пространство в сибирском летописании XVII века // Научный ежегодник Красноярского государственного педагогического университета. 2001. Вып. 2, т. 1. С. 107–116.

28. Шестаков В.П. Эсхатология и утопия: Очерки русской философии и культуры. М., 1995. 208 с.
29. Эртнер Е.Н. Геокультурный подход к исследованию пространственной образности русской литературы // Вестник Тюменского государственного университета. 2011. № 1. С. 6–12.
30. Эткинд А. Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М., 2001. 484 с.
31. Bassin M. Inventing Siberia: Visions of the Russian East in the Early Nineteenth Century // American Historical Review. 1991. Vol. 96. P. 763–794.

Сведения об авторе

Богумил Татьяна Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы, Алтайский государственный педагогический университет (Барнаул); e-mail: tbogumil@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2020-12-4-65>

SIBERIA AS AN ANTI-UTOPIA IN A.V. RUBANOV'S DILOGY "CHLOROPHYLIA" AND "LIVING EARTH"

T.A. Bogumil (Barnaul, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The main focus of the article is on the problem of interaction between space (Siberia) and culture (utopian tradition) that constitutes the range of interests for researchers of a Siberian text, in a broader sense, of any local text, as well as for representatives of geocultural and geopoetic approaches.

The objectives of this study are to identify works in which (anti) utopia is geographically localized in Siberia, with the exception of the already sufficiently studied topic of Belovodye; to characterize the functions of the Siberian locus in the artistic world of A.V. Rubanov's diology "Chlorophylia" and "Living Earth".

Research results. As a result, a line of succession of the utopian tradition was outlined: from F.V. Bulgarin through A.K. Gastev to the novels of A.V. Rubanov. *Conclusions.* It was revealed that in A. Rubanov's diology the space of Siberia consistently changes its functions: it exists in opposition to Moscow, to the center and the synecdoche of Russia; it is a colony and a condition for the existence of the Moscow utopia; it is a place of exile and post-apocalyptic "savagery" as the basis of a potential revival; it is a proper utopian city, an alternative capital.

Keywords: *utopia, Belovodye, Siberian text, Moscow text, St. Petersburg text, F.V. Bulgarin, A.K. Gastev.*

Bibliograficheskiy spisok

1. Abashev V.V. Russkaya literatura Urala. Problemy geopoetiki [Russian literature of the Urals. Problems of geopoetics]. Perm', 2012. 140 p.
2. Averintsev S.S. Bakhtin, smekh, khristianskaya kul'tura [Bakhtin, laughter, Christian culture] // M.M. Bakhtin kak filosof. M., 1992. P. 7–19.
3. Anisimov K.V. Paradigmatika i sintagmatika «Sibirskogo teksta» russkoy literatury [Paradigmatics and syntagmatics of the "Siberian text" of Russian literature] // Sibirskiy tekst v russkoy kul'ture / pod red. A.P. Kazarkina, N.V. Serebrennikova. Tomsk, 2007. Vyp. 2. P. 60–76.
4. Anisimov K.V. Problemy poetiki literatury Sibiri XIX – nachala XX vekov: osobennosti stanovleniya i razvitiya regional'noy literaturnoy traditsii [Problems of the poetics of Siberian literature in the 19th – early 20th centuries: features of the formation and development of the regional literary tradition]. Tomsk, 2005. 304 p.
5. Bakhtin M.M. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa [Creativity of Francois Rabelais and folk culture of the Middle Ages and Renaissance]. M., 1990. 541 p.
6. Bogumil T.A. Altay v biografii i tvorchestve V.Ya. Shishkova ("Al'yye sugroby") [Altai in the biography and work of V.Ya. Shishkova ("Scarlet snowdrifts")] // Imagologiya i komparativistika. 2020. No. 13. P. 128–140. DOI: 10.17223/24099554/13/8
7. Bogumil T.A. Belovod'ye: legenda, mifologema, brend [Belovodye: legend, mythologeme, brand] // Kul'tura i tekst. 2018. No. 3 (34). P. 89–102.
8. Voyvodich YA. Mif i neomifologicheskoye soznaniye. Obraz Sibiri kak pro-stranstva budushchego v tekstakh V. Sorokina i V. Pelevina [Myth and neo-mythological consciousness. The image of Siberia as a space of the future in the texts of V. Sorokin and V. Pelevin] // Sibirskaya identichnost' v zerkale literaturnogo teksta. Tropy, toposy, zhanrovyye formy XIX–XXI vekov. M., 2015. P. 233–246.

9. Yegorov B.F. Rossiyskiye utopii: Istoricheskiy putevoditel' [Russian Utopias: A Historical Guide]. SPb., 2007. 414 p.
10. Zav'yalova A.P. Osobennosti khronotopa v romane A. Rubanova "Khlorofiliya" [Features of the chronotope in A. Rubanov's novel "Chlorophilia"] // Aktual'nyye problemy filologii. 2018. № 16. P. 44–54.
11. Zav'yalova A.P. Khudozhestvennyye osobennosti postapokalipticheskogo miroobraza v dilogii A. Rubanova "Khlorofiliya" i "Zhivaya zemlya" [Artistic features of the post-apocalyptic world image in A. Rubanov's dilogy "Chlorophilia" and "Living Earth"] // Materialy VIII Mezhdunarodnoy konferentsii molodykh uchenykh. Yekaterinburg, 2020. P. 210–216.
12. Karasev L.V. Filosofiya smekha [The philosophy of laughter]. M., 1996. 221 p.
13. Kliment'yeva M.F. Yavleniye interiorizatsii v syuzhetakh fantasticheskikh po-vestey F.V. Bulgarina 1820–1840 godov [The phenomenon of interiorization in the plots of the fantastic stories of F.V. Bulgarin 1820–1840] // Syuzhetologiya i syuzhetografiya. 2019. No. 2. P. 5–13. DOI: 10.25205/2410-7883-2019-2-5-13
14. Kovtun N.V. "Belovodskiy metatekst" v sovremennoy russkoy proze (k po-stanovke problemy) ["Belovodsk metatext" in modern Russian prose (to the problem statement)] // Sibirskaya identichnost' v zerkale literaturnogo teksta: tropy, toposy, zhanrovyye formy XIX–XX vekov. M., 2015. P. 153–189.
15. Kovtun N.V. "Derevenskaya proza" v zerkale utopii ["Village prose" in the mirror of utopia]. Novosibirsk, 2009. 494 p.
16. Kovtun N.V. Russkaya traditsionalistskaya proza XX–XXI vekov: genezis, mifopoetika, konteksty [Russian traditionalist prose of the XX–XXI centuries: genesis, mythopoetics, contexts]. M., 2017. 600 p.
17. Koz'mina Ye.Yu. Poetika romana-antiutopii (na materiale russkoy literatury XX veka) [Poetics of the dystopian novel (based on the material of Russian literature of the XXth century)]: dis. ... kand. filol. nauk. M., 2005. 222 p.
18. Komovskaya Ye.V. Ot gomo sapiyensa do gomo sovetikusa k gomo florusu (Na osnove romanov idey A.A. Zinov'yeva i A.A. Rubanova) [From homo sapiens to homo sovieticus to homo flora (Based on the novels of ideas by A.A. Zinoviev and A.A. Rubanov)] // Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2017. No. 6 (72): v 3 ch. Ch. 1. P. 22–24.
19. Literaturnaya mifologiya Altaya [Literary mythology of Altai] / Ye.A. Khudenko, A.I. Kulyapin, T.A. Bogumil, N.I. Zavgorodnyaya. Barnaul, 2019. 178 p.
20. Likhachev D.S., Panchenko A.M. "Smekhovoy mir" Drevney Rusi ["Laughing World" of Ancient Russia]. M., 1984. 295 p.
21. Lotman Yu.M., Uspenskiy B.A. Otvzuki kontseptsii "Moskva Tretiy Rim" v ideologii Petra Per-vogo (K probleme srednevekovoy traditsii v kul'ture barokko) [Echoes of the concept "Moscow the Third Rome" in the ideology of Peter the Great (On the problem of medieval tradition in the culture of the Baroque)] // Khudozhestvennyy yazyk srednevekov'ya / otv. red. V.A. Karpushin. M., 1982. P. 236–249.
22. Mednis N.E. Sverkhsteksty v russkoy literature [Supertexts in Russian literature]. Novosibirsk, 2003. URL: <http://rassvet.websib.ru/text.htm?no=35&id=5>
23. Papkova Ye.A. "Belovod'ye" Mikhaila Plotnikova: russkaya literatura 1-y treti XX veka v poiskakh krest'yanskogo raya ["Belovodye" by Mikhail Plotnikov: Russian literature of the 1st third of the twentieth century in search of a peasant paradise] // Sibirskiyе ogni. 2011. No. 3. P. 133–140.
24. Parte K. Russkaya derevenskaya proza: Svetloye proshloye [Russian Village Prose: A Bright Past]. Tomsk, 2004.
25. Chernets L.V. Literaturnyye zhanry (problemy tipologii i poetiki) [Literary genres (problems of typology and poetics)]. M., 1982. 192 p.
26. Chistov K.V. Russkaya narodnaya utopiya (genezis i funktsii sotsial'no-utopicheskikh legend) [Russian folk utopia (genesis and functions of social-utopian legends)]. SPb., 2003. 539 p.

27. Chmykhalo B.A. Khudozhestvennoye prostranstvo v sibirskom letopisaniy XVII veka [Artistic space in the Siberian chronicle of the 17th century] // Nauchnyy yezhegodnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2001. Vyp. 2, t. 1. P. 107–116.
28. Shestakov V.P. Eskhatologiya i utopiya: Ocherki russkoy filosofii i kul'tury [Eschatology and Utopia: Essays on Russian Philosophy and Culture]. M., 1995. 208 p.
29. Ertner Ye.N. Geokul'turnyy podkhod k issledovaniyu prostranstvennoy obraznosti russkoy literatury [Geocultural approach to the study of the spatial image of Russian literature] // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. No. 1. P. 6–12.
30. Etkind A. Tolkovaniye puteshestviy. Rossiya i Amerika v travelogakh i intertekstakh [Interpretation of travel. Russia and America in travelogues and intertexts]. M., 2001. 484 p.
31. Bassin M. Inventing Siberia: Visions of the Russian East in the Early Nineteenth Century // American Historical Review. 1991. Vol. 96. P. 763–794.

About the author

Bogumil Tatiana Alexandrovna – PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Literature, Altai State Pedagogical University (Barnaul); e-mail: tbogumil@mail.ru